

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге Theory of the Global State Globality as Unfinished
Revolution. Martin Show

название книги на иностранном языке

выходные данные Cambridge University Press 2006

(место издания, год)

перевод стр. с 195 по 213

для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский)

Выполнил:
Хотинецкий Олег Николаевич
кафедра истории России

Астрахань – 2021 г.

Theory of the Global State Globality as Unfinished Revolution Martin Show

<p style="text-align: center;">Theory of the Global State Globality as Unfinished Revolution</p> <p style="text-align: center;">Martin Show 2006</p>	<p style="text-align: center;">Теория глобального государства: глобальность как незавершенная революция</p>
<p style="text-align: center;">Part III 7</p> <p style="text-align: center;">Relations and forms of global state power</p>	<p style="text-align: center;">Часть 3 параграф 7</p> <p style="text-align: center;">Отношения и формы глобальной государственной власти</p>
<p>Through this book, I have proposed that we understand state in terms of the twin concepts of state relations (or the social relations of state power) and state forms (the formal institutional expressions of state power). Both of these concepts are broad in character. To the extent that states have become ever more powerful in society, more and more social relations have had, directly or indirectly, the character of state relations. Society in general has been increasingly incorporated into the mode of reproduction of state power. This was most evident in the era of classic total war, in the ways in which war and war preparation included more and more areas of social relations. There was an extensive statization of social relations, which was reflected in the comprehensive restructuring of state forms. States as institutions became formally concerned with ever larger areas of social life: with economic management and social welfare as well as war and law.</p>	<p>Через эту книгу я предложил, что мы понимаем под государством в терминах двойных концепций государственных отношений или социальных отношений государственной власти и государственных форм формальное институциональное выражение государственной власти. Обе эти концепции имеют общий характер. В той мере в какой эти государства становятся даже более мощными в обществе, более и более социальные связи влияют прямо или косвенно на характер государственных отношений. Общество в целом более широко включает способ воспроизводства государственной власти. Это было наиболее очевидно в эпоху классической тотальной войны, о путях подготовки к войне и войне включавшей все более и более областей социальных отношений. Была проведена обширная статизация социальных отношений, которая нашла отражение во всеобъемлющей перестройке государственных форм. Государства в качестве институтов становятся формально связанные с все более широкими областями социальной жизни: управление экономикой, социальное обеспечение, а также война и право.</p>
<p>In principle we can see states as 'janus-faced', looking both 'inwards' to society and 'outwards' to interstate relations,¹ or concerned with both surveillance and warfare. This understanding of the state, common to most historical sociology, is an advance on the concepts of domesticated political science and sociology, on the one hand, and international relations, on the other, which simply reproduce the separation of the two sides of the state without grasping the relations between them. However, this</p>	<p>По существу мы можем видеть государства как Янус лицом взгляд изнутри на общество и снаружи межгосударственных отношений или заниматься обоими как наблюдением, так и войной.</p> <p>Это понимание государства общая для большинства исторических социологов является шагом вперед в отношении концепций внутренней политической науки и социологии, с одной стороны международные отношения, с другой стороны которые просто воспроизводят разделение двух сторон государственности без понимания отношений между ними. Однако, это разделение стало особенно в XX</p>

<p>separation has become, especially in the twentieth century, much more one of form than of content. It becomes increasingly difficult to separate the social relations of external and internal state power from each other, as well as from other kinds of social relations.</p>	<p>веке, гораздо больше по форме, чем по содержанию. Это потому, что все труднее отделить социальные связи между внешней и внутренней государственной властью друг друга, а также от других видов социальных отношений.</p>
<p>Thus the idea of society as pacified and interstate relations as warlike, which is given its fullest expression by Giddens, is far too simple even for the high national-international era, and even more so for the period of global transition. Mann has emphasized the implication of civil society in the violence of colonization - wars against indigenous peoples were fought by settlers as well as empires. There are echoes of this even today in the violent expropriation of land by 'internal' settlers in the Brazilian Amazon and elsewhere. Even at the heart of imperial nation-states, moreover, violent contestation of central state power never disappeared, even (or especially) in their heyday. As historical sociologists have emphasized, an 'international-national-international' loop of war and revolution was quite normal. Although in principle we can distinguish war from revolution, the revolutionary character of war and the militarization of revolution make this distinction far from certain in practice.</p>	<p>Таким образом, идея общества как мирных и межгосударственных отношений, так и военных которая получила самое полное выражение от Гидденса слишком проста даже для высокой национальной и международной эпохи и тем более в период глобального перехода. Манн подчеркнул последствие создания гражданского общества насилия в условиях колонизации войны против коренных народов с которыми сражаются поселенцы, а также хорошо как и империи. Есть отголоски этого даже, сегодня в насильственное оспаривание центральной государственной власти никогда не исчезало даже (или особенно) в период их расцвета. Как подчеркивали исторические социологи международный-национальный-международный цикл войны и революции является вполне нормальным. Хотя по существу мы можем отличить войну от революции, революционный характер войны и милитаризация революции делают это различие далеко не определенным на практике.</p>
<p>In modern revolution, moreover, the distinction between classbased movements which aimed to reconstruct the existing territorially constructed state, and national movements which aimed to deconstruct its territorial basis, was also problematic in practice. Since major states were generally empires, class contestation in the imperial core and national contestation in the periphery were often complementary. Social revolutionaries were forced to recognize this in practice, hence Lenin's embrace of 'national self-determination' - initially a strategic development of class politics. In the hands of many Stalinized Communist parties this became the basis for both the nationalization of revolution and the transformation of social</p>	<p>Кроме того, в современной революции различие между классовыми движениями, направленными на реконструкцию существующего территориально построенного государства и национальных движений, которые стремятся разрушить ее территориальную основу является также проблематичным на практике. Поскольку основные государства были, как правило, империями классовые споры в имперском центре и национальные споры на периферии часто дополняли друг друга. Социальные революционеры были вынуждены признать это на практике, соответственно Ленинский подход к национальному самоопределению - изначально стратегическое развитие классовой политики. В руках многих сталинизированных коммунистических партий это стало основой как для национализации революции, так и преобразования социальной революции в революционную</p>

revolution into revolutionary guerrilla war.	партизанскую войну
<p>The partial truth in the idea of pacified society and warlike states was that in the heyday of the nation-state-empire, the violence of interstate war dwarfed the violence of revolution and even of revolutionary war. But intensified surveillance never implied complete pacification. Nor was surveillance ever only one way, as insurgents developed their own means of monitoring as well as tapping into those of central states. Moreover, in highly surveyed (and thus partially pacified) societies, mass media amplified the effects of even small or isolated acts of violence, giving their practitioners political significance out of proportion to their numbers. While it has been difficult for insurgents to win against highly surveyed, especially democratic states, it has also been difficult for states to stamp out violence. (Hence the contemporary tendency towards negotiated settlements of insurgency.)</p>	<p>Частичной правдой в идее умиротворенного общества и военных государств было то, что в эпоху расцвета государства-империи насилие межгосударственной войны затмевало насилие революции и даже революционной войны. Но усиленное наблюдение никогда не подразумевало полного умиротворения. Кроме того, наблюдение никогда не было единственным способом, поскольку повстанцы разрабатывали свои собственные средства контроля, а также использовали средства контроля центральных штатов. Помимо этого, в наиболее обследованных (и, таким образом, частично умиротворенных) обществах средства массовой информации усиливали последствия даже небольших или изолированных актов насилия, придавая их практическим деятелям политическую значимость несоразмерно их численности. Хотя повстанцам было трудно одержать победу над высоко изученными, особенно демократическими государствами, государствам также было трудно искоренить насилие. (Отсюда и современная тенденция к урегулированию повстанческого движения путем переговоров).</p>
Centres of power, borders of violence	Центры власти, границы насилия
<p>Borders of violence in the modern world have never coincided at all fully, therefore, with the formal boundaries of states. In the high national-international period, at least it was true that the latter were the most important lines of violence, compared with which violent divisions of society 'within' states appeared secondary. Imperial nation-states approximated, even if they were not at all completely, 'bordered power containers'. After 1945, however, most major nationstates gradually shed the character of formal empires. In the emerging world of blocs, the major borders of violence were simplified to the lines between 'East' and 'West' which were named for their decisive characters - the 'Iron Curtain' in Europe followed by the 'Bamboo Curtain' in Asia.</p>	<p>Границы насилия (применения силы) в современном мире никогда полностью не совпадали, таким образом, с формальными границами государств. В период высоких национальных и международных отношений, по крайней мере, было верно, что последние являются наиболее важными формами насилия, по сравнению с которыми насильственный раскол общества в пределах штатов представляется второстепенным. Имперские государства-нации приближались, даже если они и не были полностью защищены. Однако после 1945 года большинство крупных национальных государств постепенно утратили характер формальных империй. В нарождающемся мире блоков, основные границы насилия были упрощены до границ между Востоком и Западом которые были названы в честь их решающих персонажей - Железный занавес в Европе, а затем 'Бамбуковый занавес' в Азии.</p>

<p>There were of course other lines of violence between states, mainly between the blocs and secondary centres of state power, but also between the latter and within blocs. Most violent conflicts were, however, 'within' juridically defined states: as any list of the wars of the Cold War era will confirm, major interstate wars such as those in Korea, Vietnam or the Middle East (all of which had important 'internal' aspects) were few in number compared with intrastate conflicts.² The dominant borders were the bloc divisions: although Cold War rivalry did not fully determine the secondary conflicts, the latter were often assimilated to bloc rivalry.</p>	<p>Конечно, существовали и другие линии насилия между государствами, главным образом между блоками и вторичными центрами государственной власти, а также между последними и внутри блоков. Большинство насильственных конфликтов, тем не менее, были в рамках юридически определенных государств: как подтвердит любой список войн времен холодной войны, крупные межгосударственные войны, такие как войны в Корее, Вьетнаме или на Ближнем Востоке (все из которых имели важные 'внутренние' аспекты) по сравнению с внутригосударственными конфликтами. Доминирующие границы были разделены на блоки: хотя соперничество в период холодной войны не в полной мере определяло вторичные конфликты, последние часто ассоциировались с соперничеством между блоками.</p>
<p>Within the Cold War blocs, 'nation-states' were therefore no longer 'bordered power containers'. National state entities (especially subordinate states) opened their borders to each other's armed forces (particularly those of superpowers). Even within the looser and more mutually constituted Western bloc, only Britain and France retained both the military capacities and political scope for large-scale military power-projection independently of the USA. Even in these two cases the opportunities were mainly of a 'post-imperial' kind, increasingly constrained in practice (notably after the failure of the 1956 Suez intervention, of which Washington disapproved) the independence of their nuclear forces was more apparent than real. If any kind of unit resembled a bordered power container, it was increasingly the blocs themselves. National state entities within the blocs were increasingly interpenetrated.</p>	<p>Таким образом, в рамках блоков холодной войны 'нации-государства' больше не являлись приграничными вместилищами власти. Национальные государственные образования (особенно государства находящиеся в подчинении) открыли свои границы для вооруженных сил друг друга (особенно для сил сверхдержав). Даже в рамках более слабого и более образованного западного блока только Великобритания и Франция сохранили как военный потенциал, так и политический масштаб для крупномасштабной военной проекции силы независимо от США. Даже в этих двух случаях перспективы были в основном постимперского типа, все более ограничивались на практике (особенно после провала Суэцкой интервенции 1956 года, которую Вашингтон не одобрил) независимость их ядерных сил была более кажущейся, чем реальной. Если какая-либо единица и напоминала защищенный энергетический контейнер, то все чаще это были сами блоки. Национальные государственные структуры в рамках блоков все шире проникали друг в друга.</p>
<p>Despite the reality that many key lines of violence were between blocs or 'within' national entities, the formal construction of blocs on a national-international basis meant that the importance of national forms of state</p>	<p>Несмотря на реальность того, что многие ключевые линии насилия находятся между блоками или внутри национальных образований, формальное построение блоков на национальной и международной основе означало, что значение национальных форм государства было фактически усилено. С другой</p>

<p>was actually reinforced. The nation-state form was also strengthened from another direction. The break-up of European empires led to the establishment of a large number of 'independent' nation-states. Both bloc ideologies, American liberal and Soviet Communist, legitimated national autonomy as a universal value. However, state-blocs widely oppressed or subverted the real autonomy of their constituent or client national centres. And while national independence was clearly of great significance in cases such as India and China, it was understood on all sides that in the cases of smaller countries, statehood might imply the trappings rather than the full realization of 'sovereignty'. A model for clientelistic independence already existed in Latin America, and was theorized in the 1960s in the widely applied idea of 'dependency'.</p>	<p>стороны, была также укреплена государственно-национальная форма. Распад европейских империй привел к созданию большого числа независимых национальных государств. Идеология обоих блоков, американская либеральная и советская коммунистическая, узаконила национальную автономию как универсальную ценность. Однако государственные блоки широко подавляли или подрывали реальную автономию входящих в их состав или обслуживаемых национальных центров. И хотя национальная независимость явно имеет большое значение в таких случаях, как Индия и Китай, все стороны понимали, что в случае малых стран государственность может подразумевать не полное осуществление суверенитета, а его атрибуты. Модель клиентской независимости уже существовала в Латинской Америке и была предложена в 1960-х годах в широко применяемой идее зависимости.</p>
<p>Within the evolving juridical and normative world order, restructured around the United Nations, blocs were organized and understood as comprising overlapping layers of 'international' organization. There were three principal layers: bloc bodies such as NATO (and within it the European Economic Community) and the Warsaw Pact; international bodies such as the Bretton Woods institutions which in theory were world organizations but in practice were dominated by the major Western bloc; and those bodies which more genuinely included other states, such as the UN itself, but within which the voices of the blocs were still dominant.</p>	<p>В рамках эволюционирующего мирового правового и нормативного порядка, реструктуризация вокруг Организации Объединенных Наций, блоки были организованы и рассматриваются как дублирующие уровни международной структуры. Существовали три основных уровня: тело блока, такие как НАТО (и в ее рамках Европейское экономическое сообщество) и Варшавского договора, таких международных органов; как бреттон-вудские учреждения, которые теоретически являются всемирными организациями, но на практике доминируют крупные западные блоки; и те органы, которые реально включали другие государства, такие как сама ООН, но в которых голоса блоков все еще доминировали.</p>
<p>In the inter-bloc order, all of these international organizations were understood to derive their legitimacy from national state entities. However, the United Nations Charter, the Universal Declaration of Human Rights, the Genocide Convention and other</p>	<p>В межблоковом порядке все эти международные организации, как предполагалось, опирались на легитимность национальных государственных образований. Однако Устав Организации Объединенных Наций, Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о геноциде и другие аспекты формирующейся системы международного права</p>

<p>aspects of the evolving framework of international law had created a 'universal' legitimation framework, a foundation for 'global' order, based on individual human beings as well as states. Although established by states, this framework always had the potential to go beyond them: a tension between historic nation-statist and emergent globalist definitions was built into international state forms themselves. Before 1989, however, this tension was largely contained by the bloc-system.</p>	<p>создали универсальную легитимную основу, фундамент для глобального порядка, основанного как на отдельных людях, так и на государствах. Несмотря на то, что эти рамки были установлены государствами, они всегда обладали потенциалом для выхода за их пределы: напряженность между исторической национальной-статисткой и возникающими глобализированными определениями была встроена в сами формы международных государств. Однако до 1989 года эта напряженность в значительной степени сдерживалась блоковой системой.</p>
<p>The idea of a divergence between real and formal statehood has therefore been widely understood in the past half century. Following ideas of imperialism and dependency, it has been grasped, however, more as a disparity between economic and juridical statehood, than as a manifestation of transformed relations of violence. Only in relatively recent times have the latter come to be seen as the main problem, for example in the examination of 'quasi-states'. Jackson has argued that 'The juridical cart is now before the empirical horse', because 'Ramshackle states today. . . are not allowed to disappear juridically - even if to all intents and purposes they have already fallen or been pulled down in fact. They cannot be deprived of sovereignty as a result of war, conquest, partition or colonialism such as frequently happened in the past.'³</p>	<p>Таким образом, идея расхождения между реальной и формальной государственностью получила широкое понимание в последние 50 лет. Однако, следуя идеям империализма и зависимости, она понимается скорее как разрыв между экономической и правовой государственностью, чем как проявление трансформированных отношений насилия. Лишь в относительно недавнем прошлом последние стали рассматриваться в качестве главной проблемы, например при рассмотрении квазигосударств. Джексон утверждал, что юридическая тележка теперь перед эмпирической лошадью, потому что 'Рамшекл заявляет сегодня... «не должны исчезать в судебном порядке, даже если они уже упали или были фактически свернуты. Они не могут быть лишены суверенитета в результате войны, завоеваний, раздела или колониализма, как это часто происходило в прошлом».</p>

<p>And yet states that face organized challenges to the monopoly of legitimate violence within their territory are only one case of how contemporary 'nation-states' fail to correspond to the classic idea of the nation-state. States which face no such organized challenges, but which have overwhelmingly pooled their armed and authoritative resources within a larger bloc, are no less cases of this contemporary gap. In order to grasp contemporary statehood in its complexity, we need first to conceptualize the major categories of bordered centres of state power within which the authoritative control of violence is coordinated. These are, therefore, the three main types of state in the contemporary world (although there are also other kinds of 'state' entities which do not constitute distinct centres). In the following sections I shall discuss how these three kinds of state relate to the global layer of state power.</p>	<p>И все же государства, которые сталкиваются с организованными вызовами монополии на законное насилие на своей территории, являются лишь одним примером того, как современные национальные государства не соответствует классической идее национального государства. Государства, которые не сталкиваются с такими организованными проблемами, но которые в подавляющем большинстве объединили свои вооруженные и авторитетные ресурсы в рамках более крупного блока, являются не менее яркими примерами этого современного разрыва. Для того чтобы понять современную государственность в ее сложности, нам необходимо прежде всего концептуализировать основные категории пограничных центров государственной власти, в рамках которых координируется авторитетный контроль за насилием. Таким образом, речь идет о трех основных типах государств в современном мире (хотя существуют и другие виды государственных образований, которые не образуют отдельных центров). В последующих разделах я расскажу о том, как эти три вида состояния соотносятся с глобальным уровнем государственной власти.</p>
<p>The global-Western state-conglomerate</p>	<p>Глобальный конгломерат западных государств</p>
<p>Of the first main type of state, there is only one example. The globalized Western state-conglomerate, or global-Western state for short, is an integrated authoritative organization of violence which includes a large number of both juridically defined states and international interstate organizations. This centre of state power is an outgrowth from the bloc-state of the Cold War, but in many respects its evolving twenty-first-century form is <i>sui generis</i>. Many core features of this Western state originated in its earlier 'bloc' form, but it is being substantially developed in the processes of global transformation. This organization of violence should be considered as a new type of state - rather than as an alliance or a complex set of alliances of states - for a number of reasons.</p>	<p>Из первого основного типа государства есть только один пример. Глобальный конгломерат западных государств, или глобальное западное государство на короткое время, является интегрированной авторитетной организацией насилия, которая включает в себя большое число как юридически определенных государств, так и межгосударственных организаций. Этот центр государственной власти является отходом от блока холодной войны, но во многих отношениях его эволюционирующая форма XXI века уникальна. Многие основные особенности этого западного государства зародились в его более ранней форме блока, но оно существенно развивается в процессе глобального изменения. Эту организацию насилия следует рассматривать как новый вид государства, а не как альянс или сложный комплекс союзов государств, по ряду причин.</p>
<p>First and most critically, the Western state</p>	<p>Во-первых, и это самое важное, Западное государство</p>

<p>functions as a single centre of military state power in relation to other centres. It has functioned in this way over a considerable period of time and in relation to different adversaries. The core nation-states of the bloc (USA, UK, France) fought an integrated campaign in the Second World War. The bloc itself matured during the Cold War against the Soviet bloc. Since 1989 it has operated against a wide range of other state centres, most notably against Iraq in 1991 and Serbia in 1999.</p>	<p>функционирует как единый центр военной государственной власти по отношению к другим центрам. Оно функционировало таким образом в течение значительного периода времени и в отношении различных противников. Основные государства-члены блока (США, Великобритания, Франция) провели единую кампанию во время Второй мировой войны. Сам блок сформировался во время холодной войны против советского блока. С 1989 года он действует против широкого круга других государств особенно против Ирака в 1991 году и против Сербии в 1999 году.</p>
<p>Second, the integration of what are conventionally considered distinct 'states' into the Western state is now multiply determined by a complex, overlapping set of relations and institutions. The relations of the formally distinct centres of state power are mediated by highly developed and still extending linkages of economic and cultural as well as military-political kinds. The institutions involved also include dense, fast-evolving webs of bilateral as well as multilateral relations.</p>	<p>Во-вторых, интеграция того, что традиционно считается отдельными государствами, в Западное государство теперь определяется сложным, перекрывающимся набором отношений и институтов. Отношения между формально отдельными центрами государственной власти осуществляются при посредничестве высокоразвитых и все еще расширяющих связи между экономическими и культурными, а также военно-политическими кругами. Соответствующие учреждения также включают в себя плотные, быстро развивающиеся сети двусторонних, а также многосторонних отношений.</p>
<p>Third, the Western state's authoritative deployment of violence is now structurally reinforced by its increasing, if problematic integration with the legitimate international and world authority-structure of the United Nations. Not only is Western state power exercised worldwide, but it has a general (if strongly contested) global legitimacy.</p>	<p>В-третьих, авторитетное применение насилия западным государством в настоящее время в структурном отношении подкрепляется его растущей, хотя и проблематичной интеграцией с законной международной и мировой авторитетной структурой Организации Объединенных Наций. Западная государственная власть не только осуществляется по всему миру, но и имеет общую (если ее решительно оспаривают) глобальную легитимность.</p>
<p>The global-Western state, as a centre of power, includes the juridical 'states' of North America, Western Europe, Japan and Australasia. Although this centre's most defining institutional networks are military alliances which bind together most of the entities, the Western state clearly includes not only states which are formal military allies, but 'neutral' states bound to the larger West in other ways. This inclusion is recognized in the membership of some 'neutrals' in the</p>	<p>Глобальное западное государство, как центр власти, включает в себя юридические государства Северной Америки, Западной Европы, Японии и Австралии. Хотя наиболее определяющими институциональными сетями этого центра являются милитаристские союзы, которые связывают большинство субъектов, западное государство явно включает не только государства, которые являются официальными военными союзниками, но и нейтральные государства, связанные с большим Западом другими способами. Это включение признается в членстве некоторых нейтральных государств в Европейском союзе, а также</p>

<p>European Union and the latter's edging towards military roles within the larger West. While the defining relationships of the Western state as a whole are its military relations with other centres, inclusion within the conglomerate cannot be reduced to any one institutional form, even membership of NATO and other military alliances centred on the United States.</p>	<p>в стремлении последних к выполнению военных функций в рамках Запада. В то время как определяющими отношениями западного государства в целом являются его военные отношения с другими центрами, включение в конгломерат не может быть сведено к какой-либо одной институциональной форме, даже к членству в НАТО и других военных союзах с центром в Соединенных Штатах.</p>
<p>The criteria of inclusion can be defined, rather, as that, first, entities of the Western state depend on it as a centre of violence <i>and</i> second, that their potential to act as organizing centres of legitimate violence in their own rights is clearly subordinated to this dependence. Thus most member-states of NATO maintain some secondary 'national' military capabilities, but alliance roles are the major context in which their military roles are determined. Clearly non-NATO entities in western Europe, including 'neutrals' like Ireland, Finland and even non-NATO, non-EU Switzerland, can be regarded as components of the Western state, because <i>de facto</i> they are militarily dependent as well as comprehensively integrated at other levels. A NATO memberstate such as Turkey, on the other hand, can only be regarded as very imperfectly integrated, not only because of its lesser degree of incorporation into secondary institutional networks (e.g. excluded from the EU), but because it retains substantial military capability which could override its participation in the Western state.</p>	<p>Критерии включения можно определить скорее так, как, во-первых, образования Западного государства зависят от него как от центра насилия и, во-вторых, их потенциал как организаторов законного насилия в их собственных правах явно подчиняется этой зависимости. Таким образом, большинство государств-членов НАТО сохраняют некоторые второстепенные национальные военные потенциалы, однако роль альянса является основным контекстом, в котором определяются их военные роли. Совершенно очевидно, что не входящие в НАТО образования в Западной Европе, включая такие нейтральные государства, как Ирландия, Финляндия и даже страны, не входящие в НАТО, не входящие в ЕС, Швейцария, могут рассматриваться в качестве компонентов западного государства, потому что де-факто они зависят в военном отношении, а также комплексно интегрированы на других уровнях. С другой стороны, такое государство-член НАТО, как Турция, может рассматриваться лишь как очень несовершенно интегрированное, не только в силу его меньшей степени интеграции во вторичные институциональные сети (т.е. за исключением ЕС), но поскольку оно сохраняет значительный военный потенциал, который мог бы преобладать над его участием в Западном государстве.</p>
<p>In this sense too, many smaller 'states' outside the West as generally understood, especially in central and eastern Europe, Latin America, east Asia and Africa, may be seen as so closely dependent on and increasingly integrated with the Western state as not to constitute autonomous centres of state power.</p> <p>The partial integration of such units with the</p>	<p>В этом смысле также многие малые государства за пределами Запада, как это обычно понимается, особенно в Центральной и Восточной Европе, Латинской Америке, Восточной Азии и Африки, которую можно рассматривать как настолько тесно зависимую от Западного государства и все более интегрирующуюся с ним, что она не является автономными центрами государственной власти. Частичная интеграция таких единиц с западным</p>

<p>Western state is only one instance, however, of the generally variable role of national entities which I consider further below.</p>	<p>государством является, однако, лишь одним из примеров в целом изменчивой роли национальных единиц, который я рассмотрю ниже.</p>
<p>As the integrated character of Western state power has been belatedly recognized, Marxist and other critics have predictably seen in it a new form of imperialism.⁴ Undoubtedly, there are huge disparities of resources between the integrated Western state and even the largest non-Western centres. Figure 1, using military expenditures as a measure of state power, demonstrates the extent of Western dominance, reinforced by the substantial power of the West's regional allies. In one sense, this map understates the general economic and social differentials between West and non-West, as major non-Western states generally spend higher proportions of their gross national products on military purposes than does the West, as Figure 2 indicates. (Offsetting this, lesser costs in non-Western states, e.g. lower soldiers' wages, may mean that dollar estimates of military spending understate military capability.) Clearly, such large inequalities of power both reflect and reproduce the dominance of the Western state in the world system. The question, however, is whether 'imperialism' is a useful category for analysing this dominance.</p>	<p>Поскольку комплексный характер западной государственной власти был признан с опозданием, марксисты и другие критики, как и следовало ожидать, увидели в ней новую форму империализма. Несомненно, существует огромная разница в объеме ресурсов между объединенным западным государством и даже крупнейшими незападными центрами. Диаграмма 1, в которой военные расходы используются в качестве меры государственной власти, показывает масштабы западного господства, подкрепляемого существенной властью региональных союзников Запада. В каком-то смысле эта карта занижает общие экономические и социальные различия между Западом и не западными странами, поскольку крупные не западные государства, как правило, тратят на военные цели более значительную долю своего валового национального продукта, чем Запад, как показано на диаграмме 2. (Компенсируя это, меньшие расходы в не западных государствах, т.е. более низкая заработная плата солдат, могут означать, что долларовые оценки военных расходов занижают военные возможности.) Очевидно, что такое большое неравенство сил отражает и воспроизводит господство западного государства в мировой системе. Однако вопрос заключается в том, является ли империализм полезной категорией для анализа этого доминирующего положения.</p>
<p>Clearly contemporary Western power can be traced back to the historic European empires, as well as more directly to the Cold War Western bloc, often seen as 'neo-imperial' in relation to the Third World. However, if this is any kind of 'imperialism' it is considerably removed from the specific set of features associated with imperialism in classic Marxist writings: incorporation of pre-capitalist regions, export of capital, dominance of bank over industrial capital, aggressive national state capitalism, colonialism, wars of</p>	<p>Очевидно, что современная западная власть восходит к историческим европейским империям, а также более непосредственно к Западному блоку холодной войны, который часто рассматривается как 'нео-имперский' по отношению к третьему миру. Однако, если это какой-либо 'империализм' он значительно отличается от специфического набора свойств, связанных с империализмом в классических марксистских трудах: инкорпорация докапиталистических регионов, экспорт капитала, господство банка над промышленным капиталом, агрессивный национальный государственный капитализм, колониализм, войны за передел. Если это какой-то империализм, то это что-то вроде ультра-имперского Каутского (рассматривается в</p>

<p>redivision. If it is any kind of imperialism, it is something like Kautsky's 'ultra-imperialism' (discussed in chapter 6), with many of the progressive implications of that concept. Even in terms of Doyle's 'behavioral definition of empire as effective control, whether formal or informal, of a subordinated society by an imperial society', it is clear that 'not every form of international power can be defined as imperialism.</p>	<p>главе 6), со многими прогрессивными последствиями этого понятия. Даже с точки зрения поведенческого определения империи Дойлом как эффективного контроля, формального или неофициального, подчиненного общества со стороны имперского общества, очевидно, что не всякая форма международной власти может быть определена как империализм.</p>
<p>The global form of Western state power is based on a radical modernization, in which the imperial character of its old nation-states has been transcended. Western state power, as Table 1 shows, exhibits economic, regional and legal internationalization; formal and to some extent regional democratization are thoroughly entrenched; it has developed new means of managing national conflicts within its borders; mass mediation of conflict constrains the exercise of military power. Finally, and crucially, the dominance of Western state power is closely linked to the development of the global layer of state, legitimated by the participation of virtually all state entities and of society, which is discussed more fully below.</p>	<p>Глобальная форма западной государственной власти основана на радикальной модернизации, в которой имперский характер ее старых национальных государств был преодолен. Западная государственная власть, как показано в таблице 1, экспонируется <u>экономическая, региональная и правовая интернационализация; формальная и в некоторой степени региональная демократизация глубоко укоренились; она разработала новые средства урегулирования национальных конфликтов в пределах своих границ; массовое посредничество в конфликтах ограничивает осуществление военной власти. Наконец, и это самое важное, господство западной государственной власти тесно связано с</u> глобальным государственным уровнем, узаконенным участием практически всех государственных субъектов и общества, который более подробно рассматривается ниже.</p>
<p>Quasi-imperial nation-states</p>	<p>Квази-имперские национальные государства</p>
<p>If all of this makes it difficult to characterize the Western state as imperial, other states <i>can</i> more plausibly be categorized in these terms. Outside the giant Western conglomerate there remain many lesser but still large-scale centres of state power, with significant independent military capacity and scope. As Table 1 suggests, we can contrast the modernization of state power in the West with the relatively unreconstructed character of state power in some major non-Western states. It is clear that despite some democratic reform, authoritarianism is still well entrenched; internationalization and</p>	<p>Если все это затрудняет характеристику Западного государства как имперского, другие государства могут быть более правдоподобно классифицированы в этих терминах. За пределами гигантского Западного конгломерата остается много меньших, но все еще крупных центров государственной власти, имеющих значительный независимый военный потенциал и масштабы. Как следует из таблицы 1, модернизация государственной власти на Западе можно сравнить с относительно неразведанным характером государственной власти в некоторых крупных не западных государствах. Ясно, что, несмотря на некоторые демократические реформы, авторитаризм все еще прочно укоренился; интернационализация и регионализация продвигаются лишь слабо. Квази-имперский характер многих незападных государств</p>

<p>regionalization have only weakly progressed. The quasi-imperial character of many non-Western states is often a source of intense conflicts, which are often 'managed' only with brutal and indiscriminate force. Moreover, for many non-Western states, the developing global layer of state power is deeply problematic, and they are only weakly and partially integrated into it.</p>	<p>часто является источником интенсивных конфликтов, которые зачастую урегулируются лишь с помощью грубой и неизбирательной силы. Более того, для многих незападных государств развивающийся глобальный уровень государственной власти является крайне проблематичным, и они лишь слабо и частично интегрированы в него.</p>
<p>The second type of state can be defined, therefore, as the quasiimperial nation-state, the kind of state centre which most approximates the classic nineteenth- and early twentieth-century model. Numerous major non-Western states, across Asia, Latin America, Africa and the Middle East, provide examples of this type at the beginning of the twenty-first century. Obviously the extent to which such states can be defined as quasi-imperial varies significantly. Nevertheless, not only the largest - Russia, China, India, Pakistan, Indonesia, Brazil, Argentina, Nigeria - but also those which are medium-sized to small in population terms - Serbia, Iran, Iraq, Saudi Arabia, Israel, Vietnam, North and South Korea, Zimbabwe - are very significant military centres. Among these states, a number possess and many have the capacity to obtain nuclear weapons. These are all 'national' centres of importance in the old sense that their rivalries remain capable of producing large-scale, conventional interstate wars. They are also, in many cases, centres whose 'internal' conflicts have the capacities to produce war.</p>	<p>Второй тип государства можно определить, таким образом, как квази-имперское национальное государство, вид государственного центра, который больше всего приближается к классической модели девятнадцатого и начала двадцатого века. Многочисленные крупные не западные государства Азии, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока служат примерами такого рода в начале XXI века. Очевидно, что степень, в которой такие государства могут быть определены как квази-имперские, значительно варьируется. Тем не менее, не только крупнейшие - Россия, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Бразилия, Аргентина, Нигерия - но и те, которые имеют средние или малые размеры в демографическом отношении - Сербия, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Израиль, Вьетнам, Северная и Южная Корея, Зимбабве - весьма крупные военные центры. Среди этих государств ряд обладает, а многие обладают потенциалом для приобретения ядерного оружия. Все это - национальные центры, имеющие важное значение в том смысле, что их соперничество по-прежнему способно привести к крупномасштабным обычным межгосударственным войнам. Во многих случаях они также являются центрами, внутренние конфликты которых могут привести к войне.</p>
<p>Most contemporary 'national' states are not, indeed, mono-national. A principal reason that we can see them as resembling classical nation-states is that they approximate, to greater or lesser extents, the model of the nation-state <i>empire</i>. This is especially true of the largest non-Western states, some of which</p>	<p>Большинство современных национальных государств, действительно, не являются мононациональными. Основная причина, по которой мы можем видеть их похожими на классические национальные государства, заключается в том, что они в большей или меньшей степени приближены к модели национального государства – империи. Это особенно верно в отношении крупнейших не западных государств,</p>

<p>are the remnants of historic empires. Russia, indeed, once an imperial centre, then centre of a Cold War state-bloc, is now the centre of a residual 'nation-state' with a continuing imperial character. Despite having shed much of the old Russian empire as well as the expanded Soviet bloc in Europe, Russia still retains substantial non-Russian territories within its Federation. China likewise is a historic empire which has been refashioned in the twentieth century as a 'nation-state'. Similarly, India has an imperial history of its own - not only as the British Raj.</p>	<p>некоторые из которых являются остатками исторических империй. Действительно, Россия, некогда являвшаяся имперским центром, тогда центром государственного блока холодной войны, в настоящее время является центром остаточного государства-нации с продолжающимся имперским характером. Несмотря на то, что Россия избавилась от большей части старой Российской империи, а также от расширенного советского блока в Европе, она по-прежнему сохраняет значительные нерусские территории в составе своей Федерации. Китай также является исторической империей, которая в XX веке была преобразована в национальное государство. Аналогичным образом, Индия имеет свою собственную имперскую историю - не только как Британский Радж.</p>
<p>Nation-state building, in the post-colonial and Communist states of the Cold War era, has involved many quasi-imperial processes. Core ethnicities, such as the Russians and Han Chinese, dominated. Neocolonial settlement was common, so that the Russian and Javanese populations of many peripheral areas of the former Soviet Union and Indonesia respectively now match the numbers of local ethnic groups. Centres generally exploited and/or neglected peripheries. The general authoritarianism included systematic and often ruthless discrimination against peripheral, especially indigenous, peoples such as the Naga in India or the tribes of Brazilian Amazonia. Moreover it was not only the largest states which had a quasi-imperial character: so did many of the medium-sized and even smaller centres such as Iraq, in its relationship with Kurds and the Shia Muslims of the south.</p>	<p>Государственное строительство в постколониальных и коммунистических государствах эпохи холодной войны включало в себя многие квази-имперские процессы. Доминировали основные этнические группы, такие как русские и китайцы. Неоколониальные поселения были обычным явлением, поэтому русское и яванское население многих периферийных районов бывшего Советского Союза и Индонезии в настоящее время соответствует численности местных этнических групп, соответственно. Центры, как правило, эксплуатируемые и/или заброшенные периферийные центры. Общий авторитаризм включал в себя систематическую и зачастую безжалостную дискриминацию в отношении периферийных, особенно коренных народов, таких, как нага в Индии или племена Бразильской Амазонии. Более того, это были не только крупнейшие государства, которые имели квази-имперский характер: то же самое делали и многие средние и даже малые центры, такие как Ирак, в его отношениях с курдами и шиитскими мусульманами юга</p>
<p>We can therefore distinguish three kinds of possible war involving quasi-imperial nation-states, prefigured in major wars of the Cold War era and demonstrated in the wars of the global transition. First, there are wars between major non-Western centres, on the model of the Iran-Iraq War or as threatened by Indo-Pakistani nuclear rivalry. Second, there are wars between non-Western centres and the Western conglomerate, as in the 1991 Gulf</p>	<p>Поэтому мы можем выделить три вида возможных войн с участием квази-имперских национальных государств, которые предшествовали крупным войнам эпохи холодной войны и которые были продемонстрированы в войнах глобального переходного периода. Во-первых, существуют войны между крупными не западными центрами по образцу ирано-иракской войны или под угрозой индийско-пакистанского ядерного соперничества. Во-вторых, существуют войны между незападными центрами и западным конгломератом, как, например, конфликт в</p>

<p>conflict with Iraq or the 1999 Kosova war with Serbia. Third, there are wars between state centres and proto-state forces and society 'within' quasi-imperial states, of which there are many examples. In practice, many wars are combinations of these three categories: the Yugoslav wars involved all of them.</p>	<p>Заливе 1991 года с Ираком или война в Косово 1999 года с Сербией. В-третьих, существуют войны между государственными центрами и протогосударственными силами и обществом в квази-имперских государствах, примеры которых многочисленны. На практике многие войны представляют собой комбинацию этих трех категорий: югославские войны включали все эти категории.</p>
<p>The continuing possibility of conventional - or even nuclear - wars involving formal centres of state power gives superficial credibility to the traditional model of an anarchical interstate system. While the danger of war should be taken seriously, it can hardly be understood in terms of such a model, for two main reasons. On the one hand, the weight and character of the Western state conglomerate transform 'interstate' relations beyond the traditional model, even more than the rivalry of state-blocs did during the Cold War, so that local wars become 'global' crises. On the other, we can now see that 'interstate' rivalries, as traditionally understood, almost always involve complex relations with what are conventionally seen as 'intrastate' conflicts. Interstate wars, especially between the Western state and non-Western centres, are as likely to grow out of genocidal 'new wars' of the antiglobalist counterrevolution, as out of simple interstate rivalries.</p>	<p>Сохраняющаяся возможность обычных - или даже ядерных - войн с участием официальных центров государственной власти придает поверхностный авторитет традиционной модели анархической межгосударственной системы. Хотя опасность войны следует воспринимать серьезно, ее вряд ли можно понять с точки зрения такой модели по двум основным причинам. С одной стороны, вес и характер западного государственного конгломерата трансформируют 'межгосударственные' отношения за пределы традиционной модели, даже больше, чем соперничество между государственными блоками во время холодной войны, так что локальные войны становятся 'глобальными' кризисами. С другой стороны, мы видим, что соперничество между государствами, как традиционно понимается, почти всегда связано со сложными отношениями с тем, что традиционно рассматривается как 'внутригосударственные' конфликты. Межгосударственные войны, особенно между Западным государством и незападными центрами, скорее всего, вырастут из геноцидных «новых войн» антиглобалистской контрреволюции, чем из простого межгосударственного соперничества.</p>
<p>In the global revolution, general demands for democratic freedoms have intertwined with particularist demands for autonomy from subordinated groups in these states. The dynamic relations of democracy and neo-imperialism are well demonstrated in the case of Yugoslavia, which under Tito was a multinational state with a unique system of checks and balances inhibiting simple ethnic domination. Here, the inevitability that democratic reform would lead to even greater autonomy for other nationalities contributed to the attempt of the Serbian leader, Slobodan Milosevic, to recast the Federation in a more</p>	<p>В ходе глобальной революции общие требования к демократическим свободам переплетались с конкретными требованиями об автономии от подчиненных групп в этих государствах. Динамичные отношения демократии и неоимпериализма хорошо продемонстрированы в случае Югославии, которая при Тито была многонациональным государством с уникальной системой сдержек и противовесов, препятствующей простому этническому господству. В данном случае неизбежность того, что демократическая реформа приведет к еще большей автономии для других национальностей, способствовала попытке сербского лидера Слободана Милошевича преобразовать Федерацию в более открытой имперской форме. Это, в свою очередь,</p>

<p>overtly imperial form. This in turn precipitated demands for independence, in which nations were mobilized by state or proto-state elites to form new centres of state power. These conflicts resulted in war both between the newly autonomous 'states' and between the Serbian (rump Yugoslav) state and non-Serbian social groups.</p>	<p>вызвало требования независимости, в которых страны были мобилизованы государственными или протогосударственными элитами для формирования новых центров государственной власти. Эти конфликты привели к войне как между новыми автономными государствами, так и между сербским (постюгославским) государством и несербскими социальными группами.</p>
<p>Contemporary nation-states, 'interstate' conflict and war cannot be understood, therefore, without reference to conflicts and wars involving groups which are not formally or legally recognized as 'states' in international law. These conflicts have been seen traditionally as involving 'civil' as opposed to interstate wars. During both the age of empire and the Cold War period they were the most common form of war, outnumbering interstate wars (although the latter involved of course far more combatants and victims). In the global transition, they have been seen by some as involving a 'privatization' of violence, since they seem to involve both a fragmentation of traditional states and the decline of traditional revolutionary challenges to state power. However, as Kaldor points out, the new conflicts are not simply privatized; they still involve forms of politics, if not simply those of conventional states.</p>	<p>Поэтому современные национальные государства, межгосударственные конфликты и войны нельзя понимать без ссылки на конфликты и войны с участием групп, которые формально или юридически не признаны в качестве государств в международном праве. Эти конфликты традиционно рассматриваются как гражданские, а не межгосударственные войны. В эпоху империи и холодной войны они были наиболее распространенной формой войны, превосходящей число межгосударственных войн (хотя последние, конечно, вовлекали гораздо больше комбатантов и жертв). В условиях глобального переходного периода они рассматриваются некоторыми как связанные с приватизацией насилия, поскольку они, как представляется, связаны как с фрагментацией традиционных государств, так и с ослаблением традиционных революционных вызовов государственной власти. Однако, как указывает Калдор, новые конфликты не просто приватизированы; они все еще включают в себя политические формы, если не просто политические формы обычных государств.</p>
<p>New, proto- and quasi-states</p>	<p>Новые, прото - и квазигосударства</p>
<p>Extending this argument, we can identify a third type of state, in addition to the Western state and quasi-imperial nation-states. We can call this type 'new' centres of state power, which include proto-states. As Cederman points out, states and nations should be seen as 'emergent' actors, and we need 'explicit studies of state formation' in the historical processes after the end of the Cold War. New</p>	<p>Развивая этот аргумент, мы можем определить третий тип государства, в дополнение к Западу и квази-имперским национальным государствам. Мы можем назвать этот тип новыми центрами государственной власти, которые включают в себя прото-государства. Как указывает Седерман, государства и нации должны рассматриваться как новые действующие лица, и нам нужны явные исследования формирования государства в исторических процессах после окончания холодной войны. Новые центры могут создаваться различными</p>

<p>centres can be formed in a number of different ways. They may arise directly from fragmentation of existing states, so that a previously subordinated layer of power becomes the locus of a bid for statehood. The simplest form is secession of subordinate 'national' entities during the crisis of a quasi-imperial multinational state. Principal examples come from the break-ups of the Soviet Union and Yugoslavia, where 'republics' - already defined in the previous constitution as 'national' in character - have sought to establish themselves as autonomous centres of state.</p>	<p>способами. Они могут возникнуть непосредственно в результате фрагментации существующих государств, так что ранее подчиненный уровень власти становится местом подачи заявки на государственность. Простейшей формой является отделение подчиненных национальных образований во время кризиса квази-имперского многонационального государства. В качестве основных примеров можно привести распад Советского Союза и Югославии, где республики, уже определенные в предыдущей конституции в качестве национальных по своему характеру, стремились утвердиться в качестве автономных центров государства.</p>
<p>However, the emergence of new centres is not confined to entities already having a semi-sovereign character as federated republics. Clearly, the transitions in the Soviet Union and Yugoslavia also involved attempts - often supported by newly defederated republics - to create autonomous regions within other republics and to make these secede, in their turn, just as the republics seceded from the previous federation. These were often based partly on 'autonomous' provinces or districts within republics - such as the Armenian-majority enclave of Nagorno-Karabakh within Azerbaijan, or the Albanian-majority province of Kosova within Serbia. New centres have also been based, moreover, on party-defined networks, reinforced by local governments, such as those of the Serbians in Croatia and the Serbians and Croats in Bosnia. New centres have not necessarily used either regional or local government: the Kosovans, for example, having been expelled from control of both, nevertheless created new parallel statelike institutions. They have always been based on armed force as well as political organization - either by fragmenting existing forces or by building new armed forces or militia.</p>	<p>Однако появление новых центров не ограничивается образованиями, уже имеющими полусуверенный характер федеративных республик. Ясно, что переходные процессы в Советском Союзе и Югославии также были сопряжены с попытками - зачастую при поддержке недавно разрушенных республик - создать автономные регионы в рамках других республик и добиться их отделения, в свою очередь, так же, как республики отделились от предыдущей федерации. Они часто основывались частично на автономных провинциях или районах в пределах республик, таких как анклав Нагорного Карабаха с армянским большинством в составе Азербайджана или провинция Косово с албанским большинством в составе Сербии. Кроме того, новые центры были созданы на основе созданных партиями сетей, подкрепляемых местными органами власти, в частности сербами в Хорватии и сербами и хорватами в Боснии. Новые центры не всегда используют региональные или местные органы власти: Косованы (Косовцы), например, были изгнаны из-под контроля обоих, тем не менее, создали новые параллельные государственные институты. Они всегда основывались на вооруженной силе, а также на политической организации - либо путем дробления существующих сил, либо путем создания новых вооруженных сил или ополчения.</p>
<p>Thus in both Croatia and Bosnia, Serbian power rested on parts of the Yugoslav</p>	<p>Таким образом, как в Хорватии, так и в Боснии сербская власть принадлежала частям Югославской</p>

<p>National Army, converted into the armies of local Serbian parties, reinforced by local militia. Similarly, Croatian power in Bosnia rested on the Croatian army (itself an essentially new formation) together with local militia. Nascent Albanian power in Kosova depended first on the parallel administration, then on the Kosova Liberation Army. All of these claimed to be and acted as local forms of state, aspiring to recognition as sovereign entities, although they were also clearly in part extensions of larger centres and sought federation with these.</p>	<p>национальной армии, преобразованной в армии местных сербских партий, усиленной местными ополченцами. Аналогичным образом, хорватская власть в Боснии базировалась на хорватской армии (которая сама по себе является по существу новым формированием) вместе с местной милицией. Зарождающаяся власть албанцев в Косово зависела сначала от параллельной администрации, а затем от Освободительной армии Косово. Все они утверждали, что являются и действуют как местные формы государства, стремясь к признанию в качестве суверенных образований, хотя они также были частично расширены более крупными центрами и стремились к объединению с ними.</p>
<p>These examples show that state cannot be defined simply in terms of legitimate, internationally recognized centres of 'sovereign' power. As state power fractures and is reconstituted, the line between constitutional authority and arbitrary violence blurs. Serbian and Croatian forces within other Yugoslav republics could claim vestiges of constitutionality even as they violated legitimate republican authority and acted as warlords and genocidists. Despite all their manifest breaches of international as well as republican law, these arbitrary local regimes were recognized by the 'international community' in the Dayton settlement as the bases of new state 'entities'. Hence they gained what many regard as spurious legitimacy, in the context of new internationally legitimate 'unitary' state institutions within existing borders.</p>	<p>Эти примеры показывают, что государство не может быть определено просто с точки зрения легитимных, международно признанных центров суверенной власти. По мере того как государственная власть разрушается и восстанавливается, грань между конституционной властью и произвольным насилием стирается. Сербские и хорватские силы в других югославских республиках могут претендовать на остатки конституционности, даже если они нарушают законную республиканскую власть и действуют в качестве полевых командиров и сторонников геноцида. Несмотря на все их явные нарушения международного, а также республиканского права, эти произвольные местные режимы были признаны международным сообществом в Дейтонском соглашении в качестве основы новых государственных образований. Таким образом, они получили то, что многие считают фиктивной легитимностью в контексте новых международно-легитимных унитарных государственных институтов в рамках существующих границ</p>
<p>In short, warlordism and genocidal power cannot be opposed categorically to state. While statehood always involves aspirations towards legitimacy and rule-making, it is also necessarily rooted in the organization of violence. We may distinguish proto-statehood from gangsterism by its aspirations, but we need also to recognize the commonality of even the most law-regulated state with</p>	<p>Короче говоря, власть военачальников и сторонников геноцида не может быть категорически противопоставлена государству. Хотя государственность всегда предполагает стремление к законности и нормотворчеству, она также обязательно коренится в организации насилия. Мы можем отличать прото-государственность от гангстеризма по его устремлениям, но нам нужно также признать общность даже самого правового государства с гангстеризмом. Одновременно мобилизация силы и при ее</p>

<p>gangsterism. Both mobilize force and in its exercise, their legitimacy - whether established or aspired to - is brought into question and constantly needs to be reproduced. Even if proto-state centres of power, which have not unequivocally established their claims to authoritative statehood, are often particularly and arbitrarily violent, they are part of the phenomena of state. Established states, even the Western state, despite all their paraphernalia of legitimacy, can be even more violent, and just as arbitrary in relation to many claims of human rights. New centres of state power often present the unacceptable faces of statehood. But they are faces of statehood, none the less.</p>	<p>осуществлении их легитимность - будь то установленная или желаемая - подвергается сомнению и постоянно нуждается в воспроизведении. Даже если прото-государственные центры власти, которые не смогли однозначно обосновать свои притязания на авторитетную государственную власть, часто являются особенно и произвольно насильственными, они являются частью феномена государства. Устоявшиеся государства, даже Западное государство, несмотря на все их атрибуты законности, могут быть еще более жестокими и столь же произвольными в отношении многих требований прав человека. Новые центры государственной власти часто представляют собой неприемлемую грань государственности. Но они, тем не менее, являются гранями государственности.</p>
<p>Other writers have offered threefold categorizations of contemporary statehood which partly overlap with those presented here. According to Robert Cooper, states today are 'modern', 'post-modern' and 'pre-modern'.⁵ According to Georg Sorenson, they are 'Westphalian', 'post-modern' and 'post-colonial'. Both these writers recognize that statehood today is not encompassed simply by the 'modern' or 'Westphalian' nation-state. On the one hand, Western 'states', they agree, are 'post-modern' in the sense that they are internationalized and no longer classic centres of war-making. On the other hand, many non-Western 'state' entities have not achieved, or have lapsed from, the levels of authoritative control over territory required for nation-statehood. In both schema, the nation-state remains as a residual category occupied by the major non-Western centres of power.</p>	<p>Другие писатели предлагали три категории государственности, которые частично совпадают с представленными здесь. По словам Роберта Купера, сегодня штаты являются 'современными', 'постмодернистскими' и 'премодернами'. По словам Георга Соренсона, это 'Вестфальский' 'пост-модерн' и 'пост-колониальный'. Оба эти писателя признают, что государственность сегодня не охватывается просто 'современным' или 'вестфальским' национальным государством. С одной стороны, западные штаты, они согласны, являются постмодернистскими в том смысле, что они интернационализированы и больше не являются классическими центрами военных действий. С другой стороны, многие незападные государственные образования не достигли или утратили свои полномочия по контролю над территорией, необходимой для создания национальной государственности. В обеих схемах государство-нация остается остаточной категорией, занятой крупными незападными центрами власти.</p>

The problem of both these approaches is that they start from the sovereign state entity, rather than from bordered power centres defined by relations of violence. Their categories, although indicative, are therefore unlocated within these relations, even if the intention is to use them to analyse questions of war and peace. Thus if entities within the West are 'post-modern' in form, this is precisely because state power is increasingly concentrated in a single centre of armed power projection. If the major non-Western states are to be considered 'modern' nation-states, we must understand the quasi-imperial power relations in which they (like the former Western nation-states) are involved. And if weaker non-Western centres (not only in sub-Saharan Africa) fail to match the standards of nation-statehood, this is because of the power dilemmas which face new states and proto-states, not because they are 'pre-modern' or 'post-colonial'.

Проблема обоих этих подходов заключается в том, что они начинаются от суверенного государственного образования, а не от изолированных властных центров, определяемых отношениями насилия. Поэтому их категории, хотя они и носят ориентировочный характер, не вписываются в эти отношения, даже если их предполагается использовать для анализа вопросов войны и мира. Таким образом, если образования в пределах Запада являются постмодернистскими по своей форме, то это как раз потому, что государственная власть все больше концентрируется в одном центре проекции вооруженной силы. Если крупные незападные государства следует рассматривать в качестве национальных государств-модемов, мы должны понимать квази-имперские отношения силы, в которых они участвуют (как бывшие западные государства-нации). И если более слабые незападные центры (не только в странах Африки к югу от Сахары) не соответствуют стандартам государственности, это происходит из-за дилемм власти, с которыми сталкиваются новые государства и прото-государства, а не из-за того, что они являются предсовременными или постколониальными.

Таблица 1 Характеристики западных и основных не западных государств с.206-207

№		Western state Западное государство	Major non-Western states Главные не западные государства
1.	Military internationalization Военная интернационализация (международная унификация)	<p>Relatively cohesive and enduring bloc of military power, centred on NATO and other alliances (notably USA- Japan), has survived the end of the Cold War and is held together by the challenges to its common interests in the new world situation; has clearly gone beyond simple alliances of national entities.</p> <p>Относительно сплоченные и долговечный блок военной власти, сосредоточенная на НАТО и других союзах (в частности, между США и Японией), пережила окончание холодной войны и сдерживается вызовами ее общим интересам в новой мировой ситуации; она явно вышла за рамки простых альянсов национальных образований</p>	<p>Survival, or even historic national monopoly of violence, and the pursuit of state interests including to the point of inter-and intrastate war.</p> <p>Выживание, или даже историческая национальная монополия на насилие и преследование государственных интересов, в том числе до межгосударственной и внутригосударственной войны</p>
2.	Economic internationalization Экономическая интернационализация	<p>An increasingly complex institutionalized framework of pan-Western political-economic organizations through which the West manages its common interests in the world economy.</p> <p>Все более сложная и институционализируемая основа общезападных политико-экономических организаций, которыми Запад управляет в своих общих интересах в мировой экономике</p>	<p>Weak integration into Western-led world political-economic organizations</p> <p>Слабая интеграция в мировые политико-экономические организации под руководством Запада</p>
3.	Internationalization of law правовая интернационализация	<p>A framework of internationalized law and regulation through which national jurisdictions are harmonized and transnational mobility by corporations and individuals is made possible.</p> <p>Рамки международного права и регулирования, посредством которого обеспечивается согласование национальных юрисдикций и транснациональная мобильность корпораций и отдельных лиц;</p>	<p>Weak involvement in the internationalization of law and regulation</p> <p>Слабое участие в интернационализации права и регулировании</p>

4	<p>Regional internationalization</p> <p>Региональна интернационализация</p>	<p>Highly developed formal internationalization of pivotal European region; formal and substantive democratization increasingly reinforced; significant elements of internationalized citizenship are developing</p> <p>Высокоразвитая формальная интернационализация ключевого европейского региона; все более усиливающаяся формальная и существенная демократизация; формирование существенных элементов интернационализованного гражданства</p>	<p>Weak, superficial internationalization at best; persistence of major regional rivalries including in military and even nuclear forms</p> <p>Слабая, поверхностная интернационализация в лучшем случае; сохранение серьезного регионального соперничества, в том числе в военных и даже ядерных формах</p>
5	<p>Relation to global institutions</p> <p>Связь с глобальными учреждениями</p>	<p>Ambivalent (especially USA), but increasingly utilizing UN of system to legitimize its worldwide hegemony, and supporting extensions of international law, economic management, political and military intervention.</p> <p>Двойственный (особенно США), но все чаще использующий систему ООН для легитимизации своей глобальной гегемонии и поддержки расширения международного права, экономического управления, политического и военного вмешательства.</p>	<p>Ambivalent, but tending to be suspicious Western-led international innovations; utilizing UN system negatively, to restrain West and inhibit international authority impinging on nation-state prerogatives.</p> <p>Неоднозначные, но, как правило, подозрительные международные инновации под руководством Запада; использование системы ООН в негативном ключе, чтобы сдерживать Запада и помешать международному авторитету посягать на национальные прерогативы государств</p>
6.	<p>Democratization and civil society</p> <p>Демократизация и гражданское общество</p>	<p>Political democracy normalized within West, and increasingly deeply rooted, reinforced by internationalization; relatively strong civil society; democracy and human rights promoted outside West by both civil society and states.</p> <p>Политическая демократия упорядочилась на Западе и становилась все более глубоко укоренившейся, подкрепляемой интернационализацией; относительно сильное гражданское общество; демократия и права человека, поощряемые за пределами Запада как гражданским обществом, так и государствами</p>	<p>Authoritarian or semiauthoritarian regimes and weak democratization, in which formal electoral democracy (if it exists) is often crudely manipulated by elites; political and social freedoms are weakly recognized and enforced; civil society weak but emerging.</p> <p>Авторитарные или полуавторитарные режимы и слабая демократизация, в которых официальная избирательная демократия (если она существует) часто жестоко манипулируется элитами; политические и социальные свободы слабо признаются и обеспечиваются; гражданское общество слабо развито, но формируется</p>
7	<p>Social inequality and welfare</p>	<p>Despite large socio-economic</p>	<p>Large socio-economic inequalities,</p>

	Социальное неравенство и социальное обеспечение	<p>inequalities, some combination of state and private welfare systems which supports the majority of the population.</p> <p>Несмотря на значительное социально-экономическое неравенство, существует определенное сочетание государственных и частных систем социального обеспечения, которые обеспечивают поддержку большинства населения</p>	<p>with very inadequate or no social welfare systems, and coercion of both urban and rural society. Значительное социально-экономическое неравенство, характеризующееся крайне неадекватными системами социального обеспечения или их отсутствием, и принуждение как городского, так и сельского общества</p>
8	<p>National and ethnic conflict</p> <p>Национальные и этнические конфликты</p>	<p>Increasingly multi-ethnic societies with relatively sophisticated mechanisms for managing national and ethnic conflicts; so that these are contained without the enormous disruptive potential which they have had in the past and continue to have outside the West.</p> <p>Все более многоэтнические общества с относительно сложными механизмами урегулирования национальных и этнических конфликтов, с тем чтобы они сдерживались без огромного разрушительного потенциала, который они имели в прошлом и продолжают иметь за пределами Запада</p>	<p>Multi-national societies in which the relations between states and peripheral, minority and indigenous groups are quasi-imperial - these groups have little protection; national or ethnic conflicts are often violent and these are 'managed' with fairly crude coercion</p> <p>Многонациональные общества, в которых родственные государства и периферийные группы, группы меньшинств и коренных народов являются квазиимперскими - эти группы не имеют достаточной защиты; национальные или этнические конфликты часто сопровождаются насилием, и управление ими осуществляется при довольно грубом принуждении</p>
9.	<p>Media and propensity to war</p> <p>Средства массовой информации и склонность к войне</p>	<p>Expanded media spheres which sensitize publics to military violence and make the management of conflict problematic for state power.</p> <p>Расширение сферы деятельности средств массовой информации в целях привлечения внимания общественности к проблеме военного насилия и превращения урегулирования конфликтов в проблему государственной власти</p>	<p>Only partially open media, in which the abilities of state elites to manage news and opinion and fight wars is greater than in the West, but not unlimited.</p> <p>Только частично открытые СМИ, в которых способности государственной элиты управлять новостями и мнениями и вести войны больше, чем на Западе, но не безграничны</p>